

S E R I E S M I N O R

Л. М. ЕРМАКОВА

ВЕСТИ
О ЯПАН-ОСТРОВЕ
В СТАРОДАВНЕЙ
РОССИИ

и другое

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

鈴木春信画

S T U D I A H I S T O R I C A

Л. М. ЕРМАКОВА

ВЕСТИ
О ЯПАН-ОСТРОВЕ
В СТАРОДАВНЕЙ
РОССИИ

и другое

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 83.3(5Япо)
Е 72

Ермакова Л. М.

Е 72 Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 272 с. — (Studia historica. Series minor). (Вклейки после с. 64 и 128).

ISBN 5-9551-0054-7

Автор — известный японовед, специалист по мифологии и поэзии японской древности и раннего средневековья — на этот раз предлагает вниманию читателей книгу о том, что писали и читали о Японии в стародавней России. Помимо описаний «Япан-острова» и «многосмышленных японских людей» в книгу вошли статьи Л. М. Ермаковой о некоторых проблемах перевода японской поэзии, рассказы о японских исторических реликвиях и документах, найденных автором в Японии, а также ряд материалов по истории отечественного японоведения.

ББК 83.3(5Япо)

*В оформлении обложки использована гравюра Утагава Тоекуни (1769—1825) портрет Тосиро Пятого, актера театра Кабуки, в роли Акэти Мицухидэ, убицы Ода Нобунага — объединителя Японии
Фоном послужили фрагменты гравюры Судзуки Харунобу (1725? 1770)*

ISBN 5-9551-0054-7

© Л. М. Ермакова, 2005
© Языки славянской культуры, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 7

Часть первая НАЙДЕНО В РОССИИ

Первые письменные сведения о Японии в России

Описания Японии в старописьменной русской культуре XVII в. (Исторический очерк) 13

Повествования XVII в. о Японии (Тексты. Комментарии)

«Козмография 1670», глава 70 «О Японии, или Япан-острове» 30

Фрагмент из «Козмографии, сиречь всемирного описания...», раздел «Индия» 38

Фрагмент из «Избрания вкратце от книги глаголемыя козмография, еже глаголется описание всего света...» 39

Н. Г. Спафарий. Описание славного и великого острова Яппонского, и что при нем обретается 39

Вести о Японии в России

XVIII – первой половины XIX в. 57

«Описание о Японе» 59

«Краткая история о Японском государстве» 63

«О состоянии Азии» и другие 69

«Остров Шамуришир» – забытая повесть русского сентиментализма 78

«О Японии и японской торговле» и другое 85

«Япония в настоящем виде» у Горлова 89

Японская литература в России.
Из предыстории 104

Некоторые дилеммы и стратегии
поэтических переводов с японского в XX в. 143

Часть вторая
НАЙДЕНО В ЯПОНИИ

Сокрытые сюжеты средневековой
истории (Кюсю, Ватикан, Речь Посполитая) 177

Письма к Оресту Плетнеру
«Русские» письма Танидзаки Дзюньитиро 214

Письма Оресту Викторовичу Плетнеру
от С. Г. Елисеева, Н. И. Конрада и др. 230

ОТ АВТОРА

Начало сего учинено от Японы,
с восточной стороны Российскому государству
прилежащаго славнаго острова.
«Описание о Японы», Санкт-Петербург, 1734

Ябадзия, Пантрии, Хразомагини, Ауреа Херсонесус, Зипангри, Зипанери, Жи Бынь, Нифон, Фино-Мотго, Син-Кокф, Эпуен, Япон...

Все эти экзотические географические названия, обозначающие Японию в старинных европейских и российских атласах, хронографах и описаниях путешествий, известны далеко не всем даже в среде профессиональных востоковедов. Однако для любого читателя несомненна их историческая глубина, обаятелен ореол тайны, окружающий их. Их притягательность подействовала и на меня — японоведа, специализирующегося в области мифологии и поэзии японской древности и последние десять лет работающего в Японии. Загадка, которую представляла собой эта страна для России в первый, самый давний период знакомства, предстала передо мной словно еще один, совершенно иной, чем известные мне ранее, и все-таки тоже «японский миф». Связанные с этим разыскания и легли в основу первой части книги.

Она задумана как краткая история отражений Японии в зеркале российской письменной культуры, начиная с «самого начала», которое можно приблизительно датировать серединой XVII в. — временем первого достоверно датированного и сохранившегося донныне текста (пишу это с надеждой, что впоследствии отыщутся и более ранние).

При этом моя цель вовсе не в том, чтобы подробно отразить историю контактов между двумя странами, — в круг тем этой книги не попадают ни торговые, ни военные экспедиции, ни судьбы японских моряков, прибитых бурей к

русским берегам, ни дипломатические недоразумения, которыми богата предыстория российско-японских отношений.

Меня интересуют не столько события, сколько тексты — я ограничиваю поле рассмотрения тем кругом письменных источников, по которым читающие люди в России могли получить представление о Японии в разные периоды истории, в том числе в самом раннем — еще до появления гражданской печати в России. Другими словами, я хочу установить, что именно писалось и печаталось о Японии в сфере российской письменной культуры в течение последних 300 с лишним лет, что можно было узнать об этой стране из современных читателю письменных источников, какой позиции по отношению к Японии придерживались российские писцы, переводчики и переписчики, а также историки, литераторы и журналисты. Каков был, так сказать, импринтинг образа Японии в российском обществе и какие изменения он претерпевал в дальнейшем.

В то же время меня интересует далеко не все, что запечатлено в письменных знаках и имеет отношение к Японии. За рамками книги остается, например, географическая и картографическая деятельность Семена Ремезова, составившего в 1701 г. «Чертежную карту Сибири», или И. Козаревского, описывавшего Курилы и Хоккайдо, не вошли сюда сведения о беседах Петра Первого и Анны Иоанновны с японцами, потерпевшими крушение у берегов России, судьба Дайкокуя Кодаю, японского капитана и тоже жертвы кораблекрушения, получившего аудиенцию у Екатерины Второй и сумевшего с ее помощью вернуться на родину. Не затрагиваются здесь и деловые бумаги из разряда памятников сибирской истории XVIII в., донесения казаков и моряков-первопроходцев, дипломатические документы.

Все обозначенные выше события и связанные с ними документы представляют важные эпизоды мировой истории, но об этом уже писали другие исследователи, а главное — не это составляет в данном случае объект моего интереса, в частности, потому, что такие источники (за некоторыми исключениями) не имели широкого хождения и могли фор-

мировать определенное восприятие Японии только в узко-специальной среде.

Итак, главная тема первой части книги — представление о Японии в России, формируемое в более или менее общедоступной сфере письменных знаков (с поправкой на реальные возможности этого доступа в разные исторические эпохи и в разных слоях общества), поэтому я ограничиваюсь книгами, рукописными и печатными, и отчасти журнальной периодикой — этой особой сферой существования классической русской словесности.

Кроме того, хотя российская читающая публика часто и свободно обращалась непосредственно к западным оригиналам, не прибегая к переводу, я рассматриваю здесь преимущественно русскоязычные — как переводные, так и оригинальные материалы, хотя и иностранные источники упоминаются нередко.

Приходится оговорить также и то обстоятельство, что мой интерес лежит более в сфере японской литературы и языка, религии, обычаев и истории, чем в области хозяйственного или политического развития этой страны, — последнее мало отражено в приводимых цитатах и почти не становится предметом обсуждения, хотя более или менее представлено в рассматриваемых источниках.

Представительный охват материала в заданных рамках невозможен — его оказалось неожиданно много, поэтому речь в этой небольшой книге может идти только о беглом знакомстве с некоторыми важными изданиями, давно ставшими раритетными и практически неизвестными читателю, да, пожалуй, и специалистам, работающим в других областях японоведения. Предлагаемые очерки о наиболее ранних материалах, касающихся Японии, написаны на основе ряда редких или музейных изданий, хранящихся в российских и зарубежных библиотеках, и, насколько возможно судить, представляют собой забытые или малоизвестные источники.

Кроме наиболее ранних текстов «о Япан-острове» и рассуждений о них в первую часть книги вошли работы по истории восприятия, осмысления и перевода в России клас-

сической японской литературы и особенно поэзии начиная с середины XIX в.

Вторую часть книги составляют материалы, найденные не в России, а в Японии. Понятно, что обычная для филолога кабинетная работа над текстами здесь чередуется со встречами и поездками по стране изучаемой культуры. Благодаря этому мне посчастливилось найти неизвестные письма японского писателя-классика XX в. Танидзаки Дзюньитиро, а также письма патриархов отечественного и мирового японоведения С. Г. Елисеева и Н. И. Конрада и стать первым публикатором этих документов.

И уж совсем редкостной удачей можно считать находку музейной вещи XVI в. Это каллиграфический лист с первым переводом Псалмов Давида на японский язык, выполненный в Ватикане японскими послами в 1585 г. и с тех пор затерявшийся в хранении Ягеллонской библиотеки в Кракове. Свидетельства о существовании этого листа красной бумаги в серебряной раме с выгравированным на обороте латинским текстом и указания на возможное направление поиска мне также неожиданно удалось обнаружить в Японии. Значение этой вещи, обстоятельства ее создания и полудетективная история поисков тоже описываются во второй части книги.

Сбор и оформление всех этих материалов, по истории текстов и по истории вещей, потребовали неожиданно широкого охвата информации — по странам, языкам, периодам. Многим моим уважаемым коллегам по обе стороны Японского и Охотского морей я обязана ценными советами и консультациями, имена их с благодарностью за неоценимую помощь я называю во всех главах книги.

Отдельно хочу поблагодарить за компьютерную поддержку и помощь в оформлении книги Т. и Ю. Окамото и посвятить эту книгу им же, а также Окамото А., М. и Н.

*Л. Ермакова
Кобе, 8 августа 2003 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАЙДЕНО В РОССИИ

ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЯПОНИИ В РОССИИ

ОПИСАНИЯ ЯПОНИИ В СТАРОПИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII В. (Исторический очерк)

Обычно считается, что до непосредственного знакомства России и Японии было крайне мало источников, где можно было бы почерпнуть сведения о Японии, и все они были скудны и давали неверное представление о предмете. Говоря о письменных источниках на русском языке, повествующих о Японии и ее культуре, исследователи обычно основываются на материалах XIX, иногда XVIII в. как самых ранних. Однако, как оказалось, описания Японии и японцев в русской культуре во многих случаях бывали и подробны, и достоверны, а главное — они имеют гораздо более давнюю историю. Вполне возможно, что не только Петр Первый, но и Алексей Михайлович, а до него и Михаил Феодорович интересовались восточными соседями России и знали о них гораздо больше, чем можно предположить. Иоанн Ужевич в своей «Грамматке Словенской» 1643 г. в числе других топонимов упоминает «Японию». Николай Спафарий пишет около 1678 г. следующие примечательные слова: «Писахом [мы писали] же мало нечто и о сем острове Яппонском, которого описания имеется здесь в России особливая пространнее книжица».

К сожалению, пока нам еще не удалось отыскать и идентифицировать эту «особливую книжицу», но к настоящему моменту оказалось возможным найти и собрать воедино

четыре текста второй половины XVII в., которые мы и хотим представить здесь. В оригинале это рукописные тексты, написанные по-церковнославянски, созданные в период до появления гражданской печати в России. Вполне вероятно, что они если не самые ранние, то, во всяком случае, относятся к числу самых ранних сведений о Японии, появившихся в русской письменной культуре.

Первый из четырех — наиболее обширный, дает сравнительно подробные данные о Японии: это фрагмент из так называемой «Космографии 1670»¹, в конце XIX в. эта рукопись хранилась в Синодальной библиотеке.

Второй, гораздо более короткий, существует в двух почти дословно повторяющих друг друга списках: один список сохранился в записи XIX в. А. Попова в «Изборнике славянских и русских сочинений...»², второй список, хранящийся в рукописном виде в библиотеке Мюнхенского университета, факсимильно воспроизведен в исследовании немецкого слависта П. Косты³.

Третий — как и два предыдущих, текст космографического содержания и тоже приведен в «Изборнике» А. Попова⁴. Он также был создан, вероятно, в последней четверти XVII в., известно только, что один из поздних его списков был датирован 1696 г. Мы отдаем себе отчет, что зачисление этого текста в круг ранних писаний о Японии несколько гипотетично, поскольку в нем страна называется иначе, чем в синхронных текстах, а именно — Никанским царством, тем не менее мы решились опубликовать его здесь, исходя из некоторых особенностей его содержания, позволяющих атрибутировать текст таким образом (речь об этом пойдет ниже).

Четвертый публикуемый текст — глава о Японии из «Описания первья части Вселенныя, иже именуемой Азия...»⁵ Николая Спафария-Милеску (1635—1707). Первый текст (или, вернее, список) был составлен в Холмогорах (Холмогорах), на севере России, в устье реки Двины на Белом море, места создания второго и третьего текстов доподлинно не известны, четвертый первоначально делался в Пекине и впоследствии дорабатывался в Москве.

Скажем несколько слов о времени складывания этих текстов. Вообще говоря, вторая половина XVII в. — чрезвычайно интересный период в истории России, когда впервые обозначилось нечто вроде противостояния (или «встречи», как формулируют некоторые авторы) византийского, восточного начала и западного влияния, именно тогда начался длительный спор между «грекофилами» и «латинствующими»⁶. Как известно, два эти направления впервые четко обозначились в вопросе о сравнительной пользе изучения греческого и латинского языков (связанном с проблемой времени пресуществления святых даров).

В сущности, приток различных иностранных идей и новшеств начался еще раньше, с конца XV в., а к концу XVII-го Москва была уже переполнена иноземцами «разных земель и вер». Среди них были иностранцы, служившие как «помощники в исправлении и печатании книг, как учителя в устроенной наконец кое-как школе, как советники патриарха, как учителя царских детей и придворные стихотворцы (Симеон Полоцкий); ...в качестве военных людей, купцов, промышленников, ремесленников, врачей и т. д.»⁷.

«Киевская», польско-литовская, а затем и западная наука, с одной стороны, и греческая традиция — с другой, были представлены их непосредственными носителями. В Москве этих носителей можно было встретить при дворе, а также при ведомстве иностранных дел — Посольском приказе, где сложилась целая коллегия переводчиков, иностранцев и русских. Они, разумеется, выступали переводчиками при посольских миссиях — «а с посланники посылаются подъячих два человека или три и переводчик, и толмачи»⁸. Еще одной важной их обязанностью было переводить для царя известия из иностранных газет, сверх того они переводили еще и книги и сами писали их. Так, при царе Алексее Михайловиче был «царских дел переводчик» Андрей Виниус, голландец по происхождению, который перевел для царя «Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных со истинными к тому приличными повестями», а также составил нечто вроде путеводителя, в том числе по иностранным

городам с указанием расстояний⁹. В 1670-е гг. в Москве был широко известен и ученый переводчик Посольского приказа Н. Спафарий (автор четвертого из публикуемых здесь текстов), написавший в то время ряд трактатов и литературных произведений («Хрисмологион», «Василиологион», «Книга, избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» и др). Царь Алексей Михайлович вообще любил западноевропейские новшества — часто любовался картиной западного художника, украшавшей стену его дворца, завел немецкий театр («комедийную хоромину»), нередко слушал игру немца-органиста, а в трапезной зале царя было изображено «звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и боги небесные»¹⁰.

При этом Москва была не единственным культурным центром и каналом западного влияния. В то время «окном в Европу» был порт Архангельск на Белом море, а вернее — Колмогоры (Холмогоры), город и прилегающая к нему местность в устье Северной Двины, — место создания рукописи (или копии) «Космографии 1670». (Даже после того как порт был перенесен в Архангельск, Колмогоры долго еще сохраняли свое главенство — Архангельск первое время именовался Новыми Колмогорами, воеводы и другие представители администрации жили на прежнем месте, а в Архангельск наезжали только в навигацию.)

Город Колмогоры (Холмогоры) начал процветать как порт и главные северные ворота страны для купцов и путешественников задолго до того, как был построен Петербург, и удерживал свое значение до того момента, как в 1722 г. приказом Петра внешняя торговля была перенесена с Белого моря на Балтику в Петербург, в новопостроенную столицу. Здесь издавна существовали также церкви и монастыри, насчитывавшие древнюю историю, поддерживалась и давняя летописная традиция, которая в 60—70-е гг. XVII в. (до начала 90-х, т. е. до перехода летописания в ведение архиепископского дома) носила целиком светский характер. Таким образом, составление и копирование письменных материалов разного рода было достаточно устойчивым типом деятельности для

этой «столицы русского Севера», так что неудивительно, что именно здесь был создан один из наиболее полных списков упомянутой «Космографии».

Вообще XVII в. для всей русской письменной культуры был периодом, когда из латинских, польских, немецких и других источников в Россию проникали различного рода героические, или нравоучительные, или же комические повести, а также наряду с ними и «естественнонаучная» литература. В эту эпоху «предпросвещения» накануне петровских реформ происходило становление новой литературы — по выражению Д. С. Лихачева, «Русь тронулась на Запад».

Исследователи, говоря об этом последнем столетии древнерусской книжности, отмечают обмирщение литературы, расширение ее социальной базы, своего рода «взрыв литературной активности»¹¹. Это был период парадоксального сочетания анонимности, фольклорности ряда письменных жанров со специализацией книжной деятельности. Появилось множество разных видов научной литературы, не связанных непосредственно с религиозной сферой, носящих уже не апологетический, а собственно познавательный характер, имеющих целью удовлетворить интерес к устройству мира и характеру его составляющих. В то время увидело свет большое число переводных, компилятивных и оригинальных работ географического и общезнциклопедического характера, т. е. разного рода хронографов и атласов — как в виде старописьменной, так и первопечатной книги. Одна из первых в России переводных книг географического характера — вероятно, перевод Пролога из «Космографии» испанца Помпония Мелы, современника Страбона, записанный полууставом XVI в.¹² Судя по данным различных источников, в 1584 г. в России была переведена «Всемирная хроника польского шляхтича Мартина Бельского», а в 1559-м был сделан перевод одного из первых роскошно иллюстрированных хронографов, полного полуфантастических описаний чужеземных стран. Автор ее был «Философ Римский Кондрат Ликостен» (*Lycosthenes Conradus: Prodigiorum ac ostentorum chronicon, quae praeter naturae ordinem... ab exordio*

mundi... ad haec... tempora, acciderunt, etc. N. Petri; Basileae, 1557), «Космография Меркатора» была, видимо, переведена в 1630 г., кроме того, как указывают источники, существовала также некая «Космография, краткое описание которой оставил нам Сильвестр Медведев, и перевод космографий, составленный из различных сочинений, как Маринеуса Сикулуса (ум. в 1553 г.), Себастиана Мюнстера (ум. в 1552 г.), Вильгельма Гратолуса (ум. в 1568 г.)»¹³. В XVII в. число переводных космографий в России резко возрастает.

Еще одним источником информации о дальних странах стали путешественники, торговцы, посланники, которые искали разнообразных сведений и широко распространяли их. Ярким примером такого человека был Н. Спафарий, который сам в некотором смысле представлял собой «встречу» Запада и Востока, Европы и России. Как писал о нем историк А. Н. Пыпин, «валахский грек, родственник господаря, изгнанный из своего отечества за политические интриги, причем ему был урезан нос, он с 1672 г. находился на русской службе» в Посольском приказе, принимал здесь участие в «строении книг», сам писал и переводил¹⁴. Он владел западными языками, латинским, греческим, был писателем, философом, дипломатом, бывал в Стокгольме и Париже и дожил до петровских времен. В Москву он прибыл в 1671 г., с рекомендацией от патриарха Иерусалимского Досифея, полученной в Константинополе¹⁵. В качестве служащего высокого ранга Посольского приказа в Москве в 1675 г. он был направлен посланником в Китай, куда ехал через всю Сибирь, ведя дневник путешествия. В Китае он был лишен свободы передвижения и вынужден был писать свое сочинение о Китае (и Японии) на основе «Китайского Атласа» XVII в. итальянского иезуита М. Мартини¹⁶, который он частями перевел, частями пересказал со своими добавлениями. Это сочинение Спафария вызвало большой интерес в России конца XVII — начала XVIII в. — достаточно сказать, что сохранилось более 30 его рукописных списков¹⁷.

Именно эта волна интереса России к внешнему миру и необходимости соотносить с ним себя, определив в сравнении

с другими собственное «национальное начало», и вызвала к жизни первые сведения о Японии в круге русской книжности. Перейдем теперь конкретно к четырем ранним произведениям русской старописьменной культуры, сообщающим эти сведения.

Начнем с японского раздела из рукописного текста, именуемого «Космография 1670», церковнославянский текст которого был воспроизведен Обществом любителей древней письменности в 80-х гг. позапрошлого века в Санкт-Петербурге. Япония в этой «Космографии» занимает 70-ю главу и помещена в разделе Азии.

Рукопись «написана бысть», как явствует из колофона, «в лето 7178-е» (1670 г.) и представляет собой один из нескольких существующих списков. Холмогорский — наиболее полный список так называемой 76-главной «Космографии» — был написан на бумаге в четвертую долю на 258 листах скорописью XVII в.

Текст этой обширной книги представляет собой компилятивный перевод с разных европейских языков, дополненный теоретическими и богословскими рассуждениями от православного составителя. Как и другие космографии XVII в., этот текст основан главным образом на атласах Г. Меркатора XVI в.¹⁸ и А. Ортелиуса, на также на разных переводных списках «Путешествий» Марко Поло и «Хрониках» польского историка М. Бельского (1495–1575), первый перевод которых на русский язык появился еще в XVI в., вскоре после создания «Хроник» в 1550–1551 гг.

Стоит, вероятно, сказать здесь же, что переводной характер многих частей этой «Космографии» и других рассматриваемых сочинений вовсе не означает второстепенности этих текстов в российской истории. Переводы как таковые во многих (если не во всех случаях) занимают в культуре место не менее значимое, чем оригинальные произведения; не вызывает сомнений также, что само понятие границы между оригиналом и переводом отнюдь не так очевидно, каким оно предстает в отдельные эпохи жанровой стабильности литературы. Становление практически любой письменной литера-

туры связано с переводом, о том же применительно к России пишет, например, А. И. Соболевский: «Переводная литература в древней Руси имела гораздо большее значение, чем оригинальная. Она была гораздо богаче оригинальной. <...> Первые [имеются в виду переводы. — Л. Е.], служившие образцами для вторых [оригинальных произведений. — Л. Е.], образцами часто недостижимыми по своей внешней стройности и внутренней силе, гораздо больше читались, чем вторые, и оказывали сильное влияние на народную фантазию. <...> Новые эпохи в истории древнерусской литературы составлялись также переводами; иначе говоря, культурные движения в Московской Руси находили себе выражение не в оригинальных произведениях, а в подборе переводов»¹⁹.

То же самое можно сказать и об исследуемых космографиях и труде Спафария. Как сказано, например, в историческом исследовании, предпосланном публикации церковнославянского текста, «76-главная Космография является попыткой русского писателя половины XVII в. соединить в одном сжатом и полном тексте все лучшие и интереснейшие географические сведения, содержащиеся в тех византийско-русских, латинско-польских и непосредственно западных источниках, которые были в его время наиболее распространены в России и из которых русские читатели допетровской эпохи черпали познания о космографических и географических вопросах. Попытка эта вполне удалась и тем более заслуживает внимания, что, несмотря на разнообразие составных ее частей, весь этот труд сохраняет строго-православный и русский характер, делавший его сродным и доступным каждому современнику и соотечественнику его составителя»²⁰.

Говоря о «русском» и «строго-православном» характере этого труда, публикатор XIX в., собственно, имеет в виду то обстоятельство, что в данном списке «Космографии» помимо сочетания переводов разных авторов имеются также фрагменты, основанные на гражданских российских текстах того времени (касающиеся России, например). И, что еще более важно, в списке имеются оригинальные части, написанные составителем/переводчиком — таковы, в частности, «Пре-